

R105.320
30

221.70) 91.04

Д. + 403 1464

Е. Вейденбаумъ

Дресденъ.

Купон на Кассажу

Евгеній Густавовичъ
ВЕЙДЕНБАУМЪ.

1486
1860

~~1164~~

R105.320
30

ШИРЪ НА КАВКАЗЪ.

=

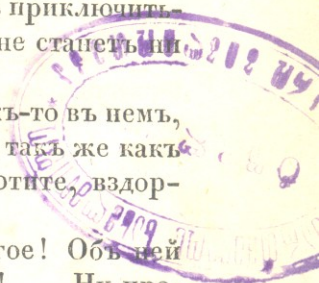
Вотъ Кавказъ. Вотъ и Тифлисъ. Видовъ бездна, — все-сельхъ, угрюмыхъ, величественныхъ, жалкихъ, — всякихъ. Съ восхищеніемъ смотрѣлъ я на очаровательную долину Куры, которая приближала меня къ Тифлису, и вдругъ насупился, взглянувъ на голыя, обожженные, оскалившіяся горы, которыя облегають этотъ знаменитый городъ. Наконецъ я пріѣхалъ въ Тифлисъ, остановился у стараго знакомаго, Антона Ѳедоровича Хашмина, и тотчасъ открылъ достаточную причину, отчего мнѣ было такъ жарко: термометръ Реомюровъ показывалъ тридцать одинъ градусъ тепла, въ тѣни!

Что это такое, Тифлисъ?

Да ничего; такой же губернской городъ, какъ все прочіе, — городъ съ присутственными мѣстами; городъ, гдѣ подписываютъ журналы, рѣшенія, заключенія, гдѣ очищаютъ бумаги и пускають ихъ за нумерами; гдѣ разсматриваются дѣла, свидѣлствуются паспорта, заключаются: контракты, торги, условія, и различныя сдѣлки, — какъ это можетъ приключиться со всякимъ городомъ, отъ чего онъ не станетъ ни знаменитѣе, ни веселѣе.

Но физиогномія — то *сего* города? Неужь-то въ немъ, или у него, нѣтъ ни какой физиогноміи, такъ же какъ и въ моемъ неподобномъ или, если хотите, вздорномъ разсказѣ?

Физиогномія города — это дѣло другое! Объ ней можно сказать. Тифлисъ!..... Тифлисъ!..... Ну просто, это закавказскій ханъ, поддавшійся Россіи: на немъ Азіятскій шалевый халать, Русскіе генеральскіе

(119 + 132) (23814) (5-15)

эполеты; на бритой головѣ баранья шапка, на ногахъ Персидскія туфли, а черезъ плечо Русская лента. Тифлисъ, ни дать ни взять, старый Азіятскій ханъ, одинъ изъ тѣхъ хановъ, которыхъ всѣ вы знаете: къ поясу, облитому золотомъ, привѣшенъ у него кинжалъ съ рукоятью, осыпанной драгоценными камнями, — а изъ-подъ выкрашенной бороды выглядываетъ красная шелковая рубашка, перемъняемая разъ въ мѣсяць, какъ бы ни было знойно лѣто. Тифлисъ есть виноградъ изъ Европы и Азіи. Вы видите двѣ или три площади, обставленныя Европейскими зданіями, уже отстроенными, или еще строящимися, или зараждающимися въ фундаментахъ. Но около нихъ ходите осторожно, чтобы не наткнуться на Грузинскую саклю, гдѣ вмѣсто двери дыра въ землю, вмѣсто трубы дыра въ землю, вмѣсто окошка дыра въ землю. Ночью не совѣтую гулять по Тифлису, какъ бы ярко ни свѣтилъ мѣсяць, какъ бы воздухъ ни былъ упонтепель, какъ бы вамъ ни хотѣлось вбирать въ себя поэзію этого волшебнаго сіянія, этой роскошной стихіи: можете провалиться въ дыру и не перепугать запачканную Грузинку, которая дома сбросила съ себя *чадру*, — это бѣлоснѣжное магическое покрывало Азіятки, въ которомъ только уродъ не покажется красавицей. Тифлисъ, новый Тифлисъ, есть городъ съ нѣсколькими прямыми и широкими улицами; эти улицы обставлены сплошными дву-этажными домами, въ которыхъ бываетъ по два и по три магазина, — слѣдствіе порто-франко: это городъ Русскихъ; его отстроили Русскіе; тутъ до ихъ прихода было чистое поле, — чистое по-тамашнему, то есть, съ множествомъ овраговъ, которыми Лезгинны прокрадывались и увлекали въ плѣнь неосторожныхъ. Но шагъ за городъ Русскихъ, улица узкая, гдѣ ужъ не разъѣдешься, дома какъ развалины, а развалины какъ дома. Еще шагъ впередъ, и слѣзай съ лошади: вы должны идти по ступенькамъ, высѣченнымъ въ

скалъ, къ которой дома приклеены своими плоскими крышами и возвышаются другъ надъ другомъ тоже какъ ступеньки; крыша нижняго дома служитъ улицей, балкономъ, и чѣмъ прикажете, для верхняго. Вы лѣзете по лѣстницѣ, и видите сакли одна надъ другой, выглядывающія какъ собачьи норы или капурки. Если вамъ надобно лазить, такъ спускайтесь внизъ, на узкой, душный базаръ, или на майданъ, заваленный фруктами и провонявшій *черемисою* *; ступайте въ тѣсно столпившіяся лавки, гдѣ найдете всю дѣятельность и всю промышленность Азіи. Тутъ Русскій будочникъ теребитъ отбивающагося Татарина. Тамъ десятскій изъ туземцевъ, съ своей мѣдной бляхой на груди, тащитъ за шиворотъ отбивающагося солдата. Далѣе мушкатель, иногда въ Татарской шапкѣ, а каменщикъ Персіяннинъ въ солдатской шинели, которыя безпорочно выслужили срокъ за Кавказомъ, — а это уже много. Гражданскій чиновникъ во фракѣ толкуетъ по секрету съ кунцемъ Армяшиномъ: объ чемъ? — не наше дѣло; а его товарищъ подхватилъ изъ той же лавки молодаго сидельца, и въ ближнемъ дукканѣ, отворенномъ настежь, по православному въ «кабакъ», продѣлываетъ съ нимъ *Аллахъ-верды* и *якиш-юль*, что значитъ: «Богъ далъ намъ его (вино)!» — «Счастливый же ему путь въ горло!» О причинѣ этой дружбы спросите у нихъ самихъ; наконецъ нѣяный деньщикъ шатается, и падаетъ въ погахъ загорѣлаго сына Азіи, который дѣлаетъ кейфъ свой на юльскомъ Грузинскомъ солнцѣ, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ можно яйцо испечь безъ огня. Таковъ Тифлисъ.

Въ Тифлисъ есть еще сѣрныя горячія ванны, или бани, гдѣ пируютъ Азіятцы и Русскіе съ Азіятскими вкусами, а за Тифлисомъ кругомъ торчатъ горы, голыя, обнаженныя, которыя любопытному геологу показываютъ свои ребра въ систематическомъ порядкѣ пластовъ. Центръ огромнаго края, который Россія

* Родъ дикаго чеснока, котораго запахъ еще сильнѣе чѣмъ нашего.

носить подъ сердцемъ въ исполнскомъ своемъ тѣлѣ, до будущаго разрѣшенія отъ бремени, до эпохи, съ которой начнется воспитаніе и ученіе Грузіи, теперешній Тифлисъ, несмотря на эти бани, есть обыкновенный губернской городъ Русскихъ съ мѣстными отъѣнками края. Прежняя столица Грузинскаго царства, изъ которой за тридцать пять лѣтъ не смѣли бы вы высунуть носа, опасаясь Лезгинскаго аркана, кинжала или пули; гдѣ всѣ *баши*, всѣ первостатейные сановники, изволили кушать съ базару, иногда подъ закладъ деревень, которыми владѣли ихъ друзья Лезгины, иногда въ долгъ, на честное слово, котораго впрочемъ тогда не было въ Грузіи, по обычаю, перенятому у Персіянъ, а большею частью вмѣсто *пишкеша*, «подарочка» то есть, взятки, — теперь эта столица такъ безопасна и сыта, какъ только можно желать въ Азіи, но несносна во время лѣтняго зноя для всякаго порядочнаго человѣка, который подверженъ испаринѣ. То-и-дѣло, перемѣняй бѣлье свое, котораго должны вы имѣть съ собою порядочный запасъ: иначе, напляшетесь, если бы вздумали шить себѣ здѣсь рубашки, приличныя фешенебельному господину.

Хашминъ чрезвычайно обрадовался, увидѣвъ меня, и былъ мнѣ полезенъ во многихъ отношеніяхъ. Три звѣздочки блестяли на его жирныхъ эполетахъ; онъ казался всё тотъ же какъ прежде, — добрый малой, внѣ службы и на службѣ, — съ тѣмъ только различіемъ, что теперь его грудь и шея были увѣшаны орденами и медалями, которыя онъ умѣлъ размѣстить въ удивительномъ порядкѣ, будто на бархатной подушкѣ. Если бы на орденахъ писались названія мѣстъ, вы приняли бы его грудь за мапкарту и прочли бы здѣсь — Варна, Балканы, Елисаветполь, Араксъ, Карсъ, Ахалцыхъ, Байбуртъ, и прочая.

Хашминъ командовалъ баталіономъ, и, въ ожиданіи полка, котораго онъ душевно желалъ себѣ, только мысленно княжилъ въ полковомъ своемъ штабѣ. Они

приготовлялись въ походъ въ сѣверный Дагестанъ, гдѣ Казы-Мулла разгулялся не на шутку. Въ серединѣ августа, намъ приходилось разставаться, къ крайнему сожалѣнію обоихъ. Но въ его батальонѣ служилъ юнкеръ изъ туземцевъ; у юнкера былъ батюшка мирза, — разумѣется, Армянинъ, — и, разумѣется хитрый какъ лисица, несмотря на свою тупость, и увертливый, какъ угорь, при всей тучности своего тѣла. Этотъ батюшка, мирза Ростамъ Кабулакагаровъ, по точному положенію о батюшкахъ и тетушкахъ, ухаживалъ за баталіоннымъ командиромъ, «ни для чего инаго про- чаго какъ для единственнаго компанства», то есть, своего возлюбленнаго сына ради. Мирза этотъ при- гласилъ къ себѣ на обѣдъ Хашмина, и его пріате- лей, по случаю выступленія батальона въ походъ. Хашминъ, который обжился съ этимъ народомъ и зналъ всѣ мѣстныя продѣлки, преважно приказалъ мурзѣ, чтобы этотъ обѣдъ былъ цвѣтомъ Азіятскихъ обѣдовъ и сливками Восточныхъ пировъ, со всею по- добающею роскошью. Какъ въ городѣ и окрестныхъ садахъ было бы чрезмѣрно жарко обѣдать на откры- томъ воздухѣ, то Хашминъ предложилъ праздновать этотъ обѣдъ на К — хъ, гдѣ тогда ни кого не было. Я, разумѣется, приглашенъ тоже, и, какъ соквартирантъ Хашмина, могъ также приказывать что угодно заис- кивавшему армянину: соблюдая пользы своего желуд- ка, я выговорилъ, чтобы на обѣдѣ было и Европей- ское или Русское кушанье; моя пищеварительная си- стема не могла бы преодолеть Азіятской ѣды, обли- той жиромъ, раздушенной шафраномъ, разожженной инбиремъ и перцомъ, гдѣ соленое, кислое, сладкое, горькое, смѣшиваются и перекрещаются, какъ ѣдія замѣчанія и плоскія насмѣшки въ критикѣ и анти- критикѣ двухъ литературныхъ промышленниковъ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы уронить соперниче- ствуюющее изданіе и самому имѣть болѣе подписчиковъ.

Двадцатаго августа въ шесть часовъ утра, день

былъ совершенно ясный, какъ почти всегда, въ это время года. Казбекъ и другія снѣжныя горы, которыя украдкой выказываются изъ-за каменныхъ громадъ вдоль Куры, стояли на горизонтѣ томныя, одѣтыя легкимъ паромъ. Бѣлая покрывала на головахъ этихъ красавицъ-титанокъ казались еще болѣе таинственными, и по бѣло-матовому ихъ грунту смѣло рисовалась черная, съдоватая гора за Душетомъ. Солнце въ шесть часовъ утра начинало уже разжигать скалы, еще неостывшія отъ вчерашняго зноя: въ это самое время выступала въ походъ пирующая банда, которая съ одной стороны состояла изъ иностранцевъ и Русскихъ, военныхъ и фрачныхъ, все знаменцевъ и пріятелей Хашмина; а, съ другой, изъ Грузинъ и Армянъ, пріятелей Кабулакагарова. Вошедши въ Салалакское ущелье, она вытянулась въ нитку и начала подыматься, то есть, карабкаться, на изнемогавшихъ лошадяхъ, вверхъ по горной дорогѣ или тропицкѣ. Наконецъ мы очутились на первыхъ уступахъ хребта, который обрывается надъ самымъ Тифлисомъ и скалитъ ему, какъ зубы, шиферные слои своихъ реберъ. Все обрадовались, взобравшись на этотъ уступъ, гдѣ легкій вѣтерокъ освѣжилъ насъ, и гдѣ мы увидѣли зелень, которая внизу едва уже дышала, несмотря на помощь поливныхъ канавъ. Дорога въ гору шла довольно полого; и чѣмъ дальше мы ѣхали, тѣмъ свѣжѣе была зелень, тѣмъ ярче были цвѣты, все прозябаніе сочнѣе и благоуханнѣе. Наконецъ послѣ восьми верстъ подѣхали мы къ послѣднему крутому уступу хребта; и черезъ двѣ версты взобрались туда съ гораздо меньшимъ трудомъ нежели какъ сначала, при выѣздѣ изъ города. Десять верстъ дороги и двѣсти отвѣсныхъ сажень надъ уровнемъ Куры, перенесли насъ въ совершенно другіи климатъ: вмѣсто знойнаго, душнаго лѣта, мы видѣли весну со всею роскошью и нестертой ея бальзамическихъ растеній; воздухъ, которымъ тутъ дышали, былъ

удивительно чистъ и пріятенъ, но еще удивительнѣе — видъ съ ближняго возвышенія, куда отпавилась вся банда. Не прежде какъ очутившись на высочайшемъ пунктѣ горнаго хребта, мы увидѣли его чѣмъ-то цѣлымъ. Казбекъ и другія снѣжныя горы чисто рисовались на непорочной лазури; при ясной атмосферѣ и съ этой высоты онѣ показались менѣе мечтательными; въ чертахъ ихъ было болѣе строгости и рѣзкости. Въ томъ же направленіи, верстѣ за пятьдесятъ, начинала серебриться лента Арагвы, которая наконецъ связывалась съ лентою Куры. Кура, заслоненная на-минуту хребтомъ, опять открывалась ниже, мелькала однимъ или многими рукавами, и пронадала верстѣ за пятьдесятъ, въ Татарскихъ дистанціяхъ, которыя также отсюда видны, съ гольми своими долинами, и съ пятнами деревень, брошенныхъ жителями, которые отпавились на кочевье. Тифлиса не было видно, кромѣ военнаго госпиталя, отдѣленнаго отъ города, и клочка Авлабара, предмѣстія, лежащаго на лѣвой сторонѣ Куры. Горы, облегающія Тифлисъ по-ту-сторону Куры, кажутся съ этого пункта только уступомъ возвышеннѣй, изрытой долинами, площади, которая оканчивалась для нашего глаза около береговъ Юры, гдѣ хребетъ Цива задергивалъ горизонтъ черною своею завѣсой. Впрочемъ взоръ, куда бы ни обратился, вездѣ встрѣчалъ систему горъ, покрытыхъ болѣею частью лѣсомъ, кромѣ отдѣльныхъ вершинъ и пиковъ, на которыхъ чуть-чуть чернѣлись отдѣльныя башни, расположенныя въ извѣстномъ направленіи, какъ могильныя насыпи по степямъ южной Россіи, но только съ болѣею разницею въ разстояніяхъ. Кисть живописца, тѣмъ болѣе перо бѣднаго сочинителя, не сильны выразить картины, которая развертывалась передъ нашими глазами. Я долго сидѣлъ погруженный въ сладкую думу, насыщаясь, до объѣда, зрѣлищемъ этого необъятнаго горизонта, гдѣ, кажется, видишь уже послѣдній предѣлъ свѣта — конецъ

всего земнаго, — начало неба, — и, у самаго входа въ небо, глаза пани графини Эммы!.....

Какъ вся честная компанія изволила встать рано, то къ двѣнадцати часамъ мы могли уже отправиться отсюда въ направленіи К-го строенія. Хоръ Азіятской музыки былъ здѣсь припасенъ какъ вещь необходимая; и человекъ восемь оборванныхъ Грузинскихъ орфеевъ, скрытые за домомъ, вдругъ встрѣтили гостей, шагахъ во ста, страшной своей гармоніей или, лучше сказать, отсутствіемъ всякой гармоніи. *Зурна*, родъ волынки, напѣвала какую-то пѣсенку, съ единообразнымъ басомъ, неразлучнымъ своимъ товарищемъ; звуки *напири*, флейты, проскакивали какъ «уфъ!» и «шофъ!» удивленной или отпѣкивающейся Грузинки; *гилуры*, подъ своимъ смычкомъ, визжала что-то похожее на Азіятское «ги! ги!» крикъ, оглашающій сраженія и оргіи; удары *дейры*, или бубна, скакали, прыгали, хлопали; *горотото* ревѣло какъ полу-пьяный толстый *тулу-баши*, «глава пира», когда этотъ избранный предсѣдатель Азіятскихъ попокъ, покачиваясь съ бока на бокъ, съ своимъ вакхическимъ скипетромъ, *гезаръ-пейшти*, огромной серебряной чашею, произноситъ громогласное Аллахъ-верды! «Богъ дадь!» или деспотически кричить, чтобы вы кончили недонитую огромную чашу. Это былъ идеаль нескладницы, которая однако имѣла что-то общее; и въ совокупности звуки эти производили нѣчто заунывное и бѣшено веселое, визгливое, оглушительное, дикое, оборванное, но зато рѣзвое и смѣлое. Одни звуки *чонгури*, балалайки, не были тутъ слышны, и не хотѣли мѣшаться съ этой сволочью инструментовъ. Чонгури есть нѣжная Азіятская барыня, которая посѣщаетъ и буйную оргію и сокровенный гаремъ Персидскаго падишаха. Чонгури была оставлена для краснаго случая.

Если хоръ, которымъ встрѣтили честную компанію, показался страннымъ вновь прибывшему Европейцу, то еще страннѣйшими должны были показаться при-

готовленія къ ожидавшему обѣду. Дорогой Міанскій коверъ разостланъ былъ на зеленой муравѣ, вмѣсто стола, и около него надо было или лежать по-Русски, или сидѣть по-Турецки поджавши ноги, или сидѣть и стоять въ тоже время на колънахъ. Скатерти не было; *лаваши*, длинныя и тоненькія лепешки изъ прѣснаго тѣста, которыя служатъ и вмѣсто хлѣба и вмѣсто салфетокъ для обтиранія пальцевъ, замаранныхъ яствами, лежали въ видѣ кувертовъ; посрединѣ стояли кувшины серебряныя, и кувшины глиняныя, прохладжающіе воду, наконецъ стекляныя раззолоченныя графинны съ бѣлымъ и краснымъ Кахетинскимъ виномъ, которое не видало бурдюка: другаго вина не должно было подаваться за обѣдомъ; таково обыкновеніе, и таково было условіе, напередъ сдѣланное. Кахетинское вино отлично, особенно красное; одинъ сортъ его имѣетъ большое сходство съ шабмертенемъ; но трудность сообщеній заставляеть перевозить вино въ бурдюкахъ, или кожаныхъ мѣшкахъ, вымазанныхъ нефтью: охотники однако жъ покупають его на мѣсть въ кувшинахъ и перевозять въ бутылкахъ. Для Русскихъ припасены были приборы и стаканы. Тутъ же лежали туры рога, то есть, рога дикаго быка, *bos urus* или *auroch*, употребляемые въ видѣ задравныхъ бокаловъ; серебряныя чашки; *кулы*, или деревянныя круглыя кубышки съ длиннымъ и узенькимъ горломъ: надо имѣть привычку, чтобы пить изъ нихъ и изъ турьихъ роговъ, иначе тотчасъ обольешься; и *гезаръ-пешти*, серебряная чашка, съ ручкой какъ у нашей разливальной ложки. Все это было осыпано цѣтami и вокругъ торопились служители старые *нукеры* и юные оруженосцы и трубконосцы, *чубукчи*, въ блестящихъ кафтаныхъ и оружьи, въ несмазанныхъ рыжихъ сапогахъ со вздернутыми носками. Нукеры только служили, а чубукчи служили и шировали вмѣстѣ съ господами, усаживаясь подлѣ нихъ и вставая только на короткое время.

Всѣ усѣлись, и общій голосъ выбралъ тулу-баши, «главою пира», высокаго и толстаго Якуба Швили: онъ долженъ былъ всѣмъ распорядиться; отъ него слѣдовало начинать всѣ *Аллахъ-верды*; его также обязанностию было предлагать тосты, оборачиваясь къ сосѣду съ полнымъ кубкомъ и говоря — *Аллахъ-верды!* «Богъ далъ!», на что сосѣдъ отвѣчаетъ — *Якиши юль!* «Счастливыи путь!»; и, какъ царь пира онъ могъ приказывать пить по-неволѣ и долженъ былъ подавать примѣръ собранію. Огромная *гезаръ-пешти* обошла кругъ передъ обѣдомъ, гдѣ Европейское и Азіатское кушанье явилось нестройной толпою. Русскіе ѣли свои супы, соусы и остальное, ложками и вилками; Азіатцы ѣли свои *бозбаши*, *кебабы* и прочее руками, утирая пальцы лавашами. Эти лавашаи они потомъ кушали; съ особеннымъ искусствомъ завертывали въ нихъ жирныя кучки шлава, и все это глотали. *Шилыкъ*, жаркое, было общее для всѣхъ: два нукера разносили его на желѣзныхъ прутьяхъ, на которыхъ оно жарилось и только-что было снято съ огня; нукеры срѣзывали его кинжалами. Во время истребленія этихъ яствъ, полныя *гезаръ-пешти*, съ объявленіемъ поименно здоровья того или другаго изъ гостей, пускались въ дорогу при звукахъ хора музыкантовъ, при громкомъ «ура!», и страшныхъ «ги!», которые каждый разъ слѣдовали за возгласомъ толстаго тулу-баши: «Антонъ Федоровичъ! (или Федоръ Петровичъ!) *Аллахъ-верды!* Отправленіе въ походъ *гезаръ-пешти* требовало непременно этой церемоніи, и всякой, хочеть или не хочеть, долженъ былъ ее опоражнивать до-суха. Все шло довольно чинно и обыкновеннымъ порядкомъ до окончанія послѣдняго блюда, послѣ котораго подали эстрагонъ и другія травы въ конвоѣ балыка, соленого сыру, миндаля и прочая. Тутъ по мановенію самовластнаго тулу-баши, умолкъ хоръ музыкантовъ, и на сцену явился Омаръ съ своей чонгури, Омаръ извѣстнѣйшій пѣвецъ Вос-

тока, Грузинскій Асмаи, которому только не достаетъ новаго Гаруна-аль-Рашида, чтобы прославиться на цѣлыя тысячелѣтїя: онъ затянулъ визгливую, единообразную и пронзительную пѣсню, унылую смѣсь жалобы, стеснаній и плача. Омаръ началъ покачиваться всѣмъ тѣломъ и заливался въ своихъ звукахъ, которые онъ выжималъ изъ горла, гдѣ они дребезжали какъ давленные. Въ это время тулу-баши осмотрѣлся и громко закричалъ — «Керимъ!», и девятнадцати-лѣтній чубукчи, Керимъ, съ румянцемъ юности и кахетинскаго, ловко вскочилъ на коверъ и пустился вышлясывать между графиновъ, бокаловъ и приборовъ, — ногами въ рознь и въ середину, — Аллахъ знаетъ какъ! — только быстро и проворно. Онъ бѣсновался какъ сатана, и прыгалъ, не задѣвая ничего ни подковой каблука, ни вздернутымъ носкомъ своимъ.

— Керимъ! Аллахъ верды.

— Якиш іолъ, мирза!

— Аджанъ! Баракаллахъ!

— Ги! — Ги! — Ура!

Всѣ Азіятцы и ихъ чубукчи вскакивали по-очередно для пляски, и опять сѣдлись по мѣстамъ, и пили. Кахетинское полилось рѣвкой. Полныя чаши, гезаръ-пешти, турьи рога и кулы исходили одни за другими отъ мѣста, занятаго председателемъ пира и по его велѣнію. Русскіе и иностранцы, хоть и не умѣли, должны были пить на всѣ эти манеры, и обливались виномъ при всеобщемъ хохотѣ; вино текло на ихъ платье, вино текло на нихъ, въ нихъ, подъ ними; оргія возрастала цѣлыми октавами. Нѣкоторымъ изъ насъ было не въ привычку пить такъ много, но они должны были это дѣлать по-неволѣ. Отважные ветераны Бахуса кричали и пѣли: «Пей! Какъ не пить? Надобно пить!» И скромники глотали вино, несмотря на то, что никто изъ смертныхъ не въ состояніи пить какъ Грузины и столько вливать въ себя за одинъ разъ. Все пило, кричало, пѣло, вмѣстѣ, порознь, въ

одинъ голось и на разные тоны; пѣсня Гафиза сталкивалась съ крамбабули, съ пѣсней Гёттингенскаго студента, съ вакхическимъ гимномъ Дельвига, съ горлицей, съ мазуркой, съ джогомъ, Молдаванской пляской. Этотъ адскій громъ еще усилился, когда тулубаши опять призвалъ прежній оркестръ, и пустилъ въ походъ турій рогъ въ полторы бутылки. Этотъ рогъ зарѣзалъ всѣхъ отбивающихся: они свалились на самомъ полѣ битвы и остались въ безобразныхъ положеніяхъ, пока не пришла пора очнуться послѣ окончанія пира, и возвращаться домой съ большой головой. Оргія не могла уже восходить выше: она могла только продолжаться, несмотря на отдаленный громъ, предвѣстникъ грозы. Чтѣ ей гроза, земля и море? Море было ей по колено; гроза по колено; по колено буря и молнія. Тулу-баши, подобный Данаевой бочкѣ, безпрестанно командовалъ; его «Аллахъ верды» заглушалъ и звуки горотото и «ура» и «ги!» Онъ командовалъ, а пирующие спорили и обнимались, ссорились и цѣловались, смѣялись, насмѣхались, ревѣли, пили и падали, не подъ столъ, а на столъ. Оставшіеся въ живыхъ обливали ихъ, и нечаянно и нарочно, и обливали самихъ себя. Все это сначала очень занимало и смѣшило меня своею странностью, но потомъ уже стало не до смѣху: я могъ еще спорить съ тулу-баши, тѣмъ болѣе что самъ тулу-баши не слѣшкомъ былъ уже твердъ на своихъ жирныхъ ногахъ. Непобѣдимый Хамшинъ пьянѣлъ за-одно съ самыми отважными поборниками веселаго бога, и не извѣстно, чтѣ случилось бы съ нами, если бы вдругъ одно слово не перевернуло всей моей внутренности и не разогнало виновныхъ паровъ. Это слово было — фамилья М***, произнесенная однимъ изъ пьяныхъ.

Что за М***? — откуда? — и гдѣ? — Наконецъ минутъ черезъ десять я добился, и узналъ, что въ началѣ лѣта пріѣхалъ въ Тифлисъ одинъ Подольскій помещикъ, по фамильи М***, что онъ теперь служитъ въ

полку и находится въ ***сь; что три дня тому назадъ прѣхала къ нему жена. Эта жена, по примѣтамъ была, никто иная какъ Эмма, прелестнѣйшая изъ всѣхъ женщинъ, какихъ я зналъ на свѣтъ. Я тутъ же узналъ, что дорога въ ***сь въ полуверстѣ отсюда, и что самый ***сь только въ тридцати верстахъ; что дорога неудобна только для экипажей, а не для верховыхъ. Ѣхать или не Ѣхать? — Ѣхать теперь? — или Ѣхать послѣ? Гроза приближалась. Въ половицѣ шестаго часу я вскочилъ съ восклицаніемъ:

— Прощай, Антонъ Федоровичъ! Я ѣду.

— погоди, Катакинъ, поѣдемъ вмѣстѣ.

— Нѣтъ, я ѣду въ ***сь, и долженъ бы давно тамъ быть; да я забылъ и засидѣлся съ вами.

— Не ѣдите! раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Нѣтъ, ѣду!

— Не ѣзди, Катакинъ! Не ѣздите, скоро ночь.

— Нѣтъ, ѣду!

— Не ѣзди! Не ѣздите! Вотъ дождикъ, буря, гроза.

Останься.

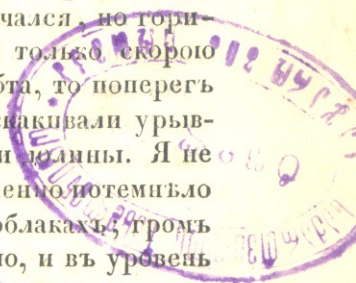
— Ѣду!

— Богъ съ тобой, упрямецъ! Ступай себѣ! И пѣнай на самого себя.

Бодрый кабардинецъ съ круглымъ тавромъ былъ подведенъ моимъ казакомъ. Я сѣлъ на него и пустился въ дорогу при отдаленныхъ раскатахъ грома, и при мелкихъ капляхъ дождя. Я-было помчался, но гористая дорога заставила меня бѣжать только скорою рысью. Я Ѣхалъ то вдоль гребня хребта, то поперегъ овраговъ и долицъ. Лучи солнца проскакивали урывками то на меня, то вдали на горы и долины. Я не пробѣжалъ восьми верстѣ, какъ совершенно потемнѣло отъ набѣжавшихъ тучъ. Я Ѣхалъ въ облакахъ; громъ гремѣлъ; молнія сверкала и надо мною, и въ уровенъ со мною, и подо мной; гроза разыгрывалась, и, казалось, сама природа говорила мнѣ: «Не ѣзди!»

— Ѣду!

R 705.320
30

Я стягалъ своего кабардинца, несмотря на вихрь, бурю, несмотря на проливной дождь, который лилъ какъ изъ ведра. Сносная лошадь съ трудомъ бѣжала по скользкой дорогѣ. Казакъ насилу поспѣвалъ за мною и проклиналъ меня какъ только могъ и умѣлъ. Я пустилъ лошадь во весь духъ: вдругъ влѣво отъ меня раздался сильный ударъ грома, такъ, что лошадь стала какъ вкопанная. Я самъ остановился. Сажень за пятьдесятъ по дорогѣ, немного вправо, находилась ужаснѣйшая пропасть, обрывъ, отъ котораго кружилась голова. Я увидѣлъ передъ собою черныя, лежащія слоями, ребра цѣлой обвалившейся горы; дорога висѣла надъ этимъ обрывомъ; и при ливнѣ лучи заходившаго солнца вдругъ какъ-то проскочили сбоку сквозь разорвавшуюся тучу, и облили эту пропасть красноватымъ, кровавымъ, свѣтомъ, освѣщая черныя ребра этого гигантскаго горнаго обвала. Я созерцалъ пропасть съ непонятнымъ для самого меня трепетомъ, и не погонялъ нѣсколько времени своей лошади.

— Не ѣзди! кричали мнѣ товарищи, съ которыми простился. — Не ѣзди! твердили буря и гроза. — Не ѣзди! наконецъ сказалъ и внутренній голосъ: не ѣзди, Федоръ Петровичъ! Смотри, адъ передъ тобой.

— Нѣтъ, ѣду!

Ударъ нагайки, — и лошадь помчалась внизъ по дорогѣ, проложенной надъ самой пропастью. Я благополучно обогнулъ пропасть и погонялъ кабардинца, но, видно, мнѣ не суждено было прѣхать туда, куда такъ рвался. Версть черезъ пять захватила меня такая темень, что нечего было и думать продолжать дорогу. «Ну, Богъ съ ней!» подумалъ я, и воротился.

11754 ✓
=

ДЖЕГИТОВЪ.

პარლამენტის ეროვნული ბიბლიოთეკა

R 105.320/3 0